

***

Глава 3

Принуждение к браку

Утро Фан Цзычэня началось не с пения птиц, а с яростного грохота в дверь. Снаружи доносились приглушённые голоса — судя по шуму, там собралась целая толпа.

Едва проснувшись, юноша сразу всё понял. Явились те самые люди из семьи Ма, обещавшие спустить с него три шкуры. Но откуда их столько? Судя по доносившемуся гомону, за дверью собралось не меньше двух десятков человек.

— Открывай, сучий выродок! Думаешь, отсидишься? — выкрикнул кто-то снаружи, и в дверь с силой ударили ногой так, что раздался оглушительный грохот.

Фан Цзычэнь, нахмурившись, подошёл и рывком распахнул створку. В ту же секунду толпа плотным кольцом обступила вход, не оставив ни малейшей лазейки — видимо, боялись, что он бросится наутёк.

— Вы кто такие...

— Так это ты, ублюдок, обесчестил Чжао-гэра?

Старшая госпожа Ма проигнорировала угасающую улыбку на лице юноши и заглянула через его плечо внутрь хижины. Взгляд её скользнул по пустому помещению: голые стены, кровать из грубых досок и ни одной табуретки, даже колченогой. Сам парень хоть и был хорош собой, но вид имел плачевный — волосы растрёпаны, а одежда... Кажется, это старые обноски старшего сына старосты.

«Голь перекатная, — мелькнуло в голове старухи. — Вытрясем ли мы из него хоть монету?»

— У вас какое-то дело ко мне? — сухо спросил Фан Цзычэнь.

Старшая госпожа Ма ткнула пальцем в сторону Чжао-гэра:

— Ты этого бедолагу узнаёшь?

Юноша посмотрел в указанном направлении. Чжао-гэр стоял в той же одежде, что и вчера — серой и измятой. Гэр невольно поднял голову, и их взгляды встретились.

Зрачки Чжао-гэра на мгновение сузились, лицо исказила тень изумления. Он непроизвольно сделал шаг к Фан Цзычэню, губы его дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но, увидев холодное и безразличное выражение лица молодого человека, гэр поспешно опустил голову.

— Я — свекровь Чжао-гэра. Это его дедушка, это его свёкор, а это второй и третий дяди, — Старшая госпожа Ма деловито представила всех присутствующих, после чего перешла к главному: — Признавайся, ты вчера оскорбил честь нашего Чжао-гэра?

— Вы всё неверно поняли, я лишь...

— Что тут понимать?! — голос старухи сорвался на визг. — Вчера у реки полдеревни всё видело! Думаешь, сможешь теперь отпереться?

— И в мыслях не было, — ответил юноша.

— Значит, признаёшь? Признаёшь, что обнимал его, целовал и тело его трогал?

Фан Цзычэнь ответил честно:

— Да, но у меня была причина...

— Раз признаёшь, значит, и отвечать тебе, — отрезала Старшая госпожа Ма. — Что теперь делать прикажешь?

Он почувствовал, как в висках начинает пульсировать тупая боль. То ли от недосыпа, то ли от невыносимого напора этой женщины.

— Послушайте, я не отрицаю, что прикасался к нему. Но я спасал ему жизнь, а не пытался воспользоваться моментом.

— Ты это нам будешь рассказывать? — Ма Дачжуан, свёкор Чжао-гэра, с силой толкнул юношу в плечо. — Парень, натворил дел — так имей смелость признать. Повеселился за чужой счёт, а теперь в благородство играешь?

— Вот именно, — поддакнул Ма Эрчжу. — Какое ещё спасение? Кто в воду падает — сам выплывает, если вовремя вытащить. Чжао-гэр всего-то на миг под воду ушёл. Если бы ты его не целовал, он бы и сам очнулся. Нечего нам тут сказки про спасение плести.

Конечно, не каждый утопающий умирает, но вчера Чжао-гэр явно был без сознания. Фан Цзычэнь от такой наглой лжи даже покраснел от гнева.

— И чего же вы от меня хотите?

Старый господин Ма, глава семейства, который до этого молчал, окинул его тяжёлым взглядом:

— Нашей семье такой фулан, потерявший чистоту, больше не нужен.

Юноша прищурился, губы его тронула недобрая усмешка:

— И?

— Бери его в жёны, — отчеканил старик.

Фан Цзычэнь замер.

«Ещё вчера я думал, что остался в убытке, — мелькнуло у него в голове. — А теперь ситуация развернулась на сто восемьдесят градусов. Но жениться я не планировал... Значит, убыток стал ещё больше»

— Вы, должно быть, шутите, — произнёс он вслух.

Старый господин Ма нахмурился:

— Что, малый, в кусты решил прыгнуть?

— Разве моё отношение не очевидно? — парировал Фан Цзычэнь.

— Твоего мнения никто не спрашивает.

Терпение юноши было на исходе. Он перевёл взгляд на Чжао-гэра, надеясь, что тот хоть слово скажет в свою защиту. Но гэр, казалось, смирился с судьбой: он стоял, не шевелясь и не поднимая глаз.

Лица его не было видно, но тут Фан Цзычэнь заметил кое-что ещё. За спиной Чжао-гэра, едва доставая ему до колен, прятался ребёнок. У малыша были большие, круглые и удивительно ясные глаза, а носиком он точь-в-точь походил на Чжао-гэра — такой же маленький и аккуратный. Мальчик мог бы быть очень красивым, если бы не выглядел как жертва голода: тоненькое тельце и несоразмерно большая голова.

Ребёнок с любопытством выглядывал из-за ног родителя, робко поглядывая на незнакомца. Стоило юноше посмотреть на него, как мальчик тут же спрятался обратно, словно увидел

демона.

Заниматься ребёнком времени не было — семья Ма продолжала наседать. Фан Цзычэнь пытался говорить по-хорошему, но они явно не понимали вежливого тона. С такими людьми бесполезно взывать к логике — единственный способ их осадить, это стать ещё более наглым и жёстким, чем они сами.

Старшая госпожа Ма преградила ему путь в дверях:

— Ну так что, берёшь его или нет?

Фан Цзычэнь молчал, не сводя с неё пристального взгляда. От этой его спокойной, почти пугающей усмешки у старухи мурашки побежали по спине. Она никак не могла понять, что у него на уме.

Тишина затянулась, становясь гнетущей. Однако привычка брать верх и численное превосходство придали старухе сил.

— Раз уж ты обесчестил Чжао-гэра, то сегодня же заберёшь его к себе, хочешь ты того или нет!

— А если не возьму, что сделаете? — безучастно спросил юноша. — Побьёте меня?

— Я каждый день буду приходить сюда и устраивать тебе весёлую жизнь. Если хочешь и дальше жить в деревне Сяохэ — попробуй, рискни.

«Какая самоуверенность!» — Фан Цзычэнь едва не рассмеялся от злости.

Вид этой желчной, озлобленной женщины вызывал у него всё большее отвращение, особенно когда она начала тыкать пальцем ему в лицо.

Он сделал два шага вперёд, сокращая дистанцию, и, подняв руку, указал на свою ладонь:

— Видишь эту руку? Она у меня тяжёлая. Одним ударом я могу так тебя приложить, что лицо набок съедет. Хочешь проверить?

— Ты... ты что, на женщину руку поднимешь? Да какой ты после этого ханьцзы?! — старуха невольно отшатнулась.

— На женщину — нет, — отрезал юноша. — А на вздорную бабу — запросто.

Он не шутил. Старшая госпожа Ма почувствовала: если она посмеет открыть рот, эта ладонь без колебаний обрушится на её лицо.

— Да как ты смеешь!

Старый господин Ма с яростью застучал тростью по земле. В своей семье он привык быть непререкаемым авторитетом, и трость в его руках была словно скипетр. Но Фан Цзычэнь не дрогнул — он лишь насмешливо оглядел старика с ног до головы, задержав взгляд на его опоре.

— Парень, не наглей. В этой деревне...

Он не успел договорить. Юноша в мгновение ока преодолел расстояние, выхватил трость из рук опешившего старика и одним резким движением переломил её пополам.

С ледяным лицом Фан Цзычэнь провокационно бросил обломки к ногам старика. Трость была не слишком толстой, примерно с детскую руку, но дерево было отборным — Ма Дачжуан специально искал его в горах. Этот сорт древесины отличался необычайной твердостью, но Фан Цзычэнь переломил его так легко, будто это была сухая ветка.

Для старого господина Ма это было несмываемым позором. Он затрясся от ярости:

— Щенок! Ты пошёл против семьи Ма! Я сделаю так, что тебе в этой деревне места не будет!

— Ты мне угрожаешь?

Взгляд Фан Цзычэня стал жёстким, в нём промелькнула опасная искра. В восемнадцать лет кровь горяча, а терпение — вещь хрупкая.

— Знаешь, за всю мою жизнь никто не смел так со мной разговаривать. Ты первый. Ты понятия не имеешь, через что я прошёл. В тринадцать я уже махал тесаком на чужой территории, и такие недоумки, как вы, мне на один зуб. И ты смеешь мне угрожать? — он обвёл пальцем всю толпу. — А ну, пошли вон отсюда, пока я вас всех в землю не втоптал!

Его аура была настолько подавляющей, что Старшая госпожа Ма невольно посмотрела на мужа в поисках защиты.

— Ты не посмеешь! — выкрикнул старик.

— Уберётесь или нет?

С ледяным лицом Фан Цзычэнь шагнул прямо к нему. Ма Дачжуан выставил руку, преграждая путь:

— Куда прёшь?!

Юноша ответил делом. Одним резким движением он схватил Ма Дачжуана за плечо и нанёс сокрушительный удар кулаком в живот. Движения его были отточены и молниеносны.

— А-а-а!..

От этого истошного крика Чжао-гэр вскинул голову. Лицо его выражало крайнее потрясение.

На мгновение во дворе воцарилась гробовая тишина.

Деревенские, наблюдавшие за сценой из-за забора, ахнули. Никто не ожидал, что этот с виду интеллигентный и холёный юноша окажется настолько свирепым. Он бил без предупреждения и с такой силой, на которую не каждый деревенский кузнец способен.

Ма Дачжуан сполз на землю, обхватив живот руками. Он только хрипел, не в силах подняться.

— Отец! — кинулась к нему старуха, но тот лишь обливался холодным потом и стонал: — Не... не трогай...

— Ублюдок! Как ты смеешь трогать нашего брата! — Ма Эрчжу и Третий брат Ма переглянулись и одновременно бросились на Фан Цзычэня.

Если они сегодня не проучат этого выскочку, семье Ма в деревне больше не видать уважения. Селяне боялись их не только из-за их безрассудной грубости, но и из-за того, что в драке братья Ма были беспощадны. Все трое были рослыми и крепкими, со свирепым нравом.

Когда завязалась потасовка, кто-то из толпы запричитал:

— Ох, беда будет! Где же староста? Почему его всё нет?

— У него же не четыре ноги, не может он летать!

— Может, разнять их?..

Договорить не успели. Ма Эрчжу нанёс мощный удар в лицо юноше. Фан Цзычэнь лишь слегка качнул головой, уходя от кулака, и мёртвой хваткой вцепился в запястье противника. Одновременно с этим он резко развернулся и нанёс хлесткий удар ногой в челюсть

подкравшемуся сзади Третьему брату Ма.

Удар был такой силы, что у того в ушах зазвенело. Мир перед глазами Третьего брата Ма поплыл, и он рухнул как подкошенный.

— Ах ты, тварь...

Ма Эрчжу попытался вырвать руку, но хватка Фан Цзычэня была словно стальной капкан. Увидев, как старший и младший братья повалены, он взревел от ярости:

— Пусти, гадёныш! Да я тебя...

Юноша с силой вывернул его запястье. Раздался сухой хруст — кость не выдержала.

— Следи за своим поганым языком, — прошипел Фан Цзычэнь. — Кто тут выродец? А ну, повтори!

Три невестки семьи Ма застыли в оцепенении, напрочь забыв про свои привычки скандалить и причитать. Этот чужак дрался так яростно, что, казалось, и на женщин руку поднимет без тени сомнения.

Ма Эрчжу выл, прижимая сломанную кисть к груди. Юноша ударом ноги в плечо опрокинул его на землю и подошёл к дрожащему главе семейства. Схватив старика за шиворот, он приподнял его. Голос молодого человека звучал пугающе спокойно:

— Я сказал тебе убираться, но ты решил, что можешь диктовать мне условия. Привёл своих сыновей, чтобы они за тебя грязную работу сделали? Жить надоело?

— Что здесь происходит?! Фан Цзычэнь, ты что творишь?! — в который раз староста Хэ Чжи подоспел к самому шапочному разбору.

Расталкивая толпу, он ворвался во двор и замер. Братья Ма валялись на земле, не в силах встать, а юноша, казалось, готов был сорваться на старика. Староста едва не лишился чувств от увиденного. Сдерживая гнев, он крикнул:

— А ну, отпусти его! Ты что, на старика руку поднять вздумал?

— А почему бы и нет? — Фан Цзычэнь не разжал пальцев. Он обдал старика волной неприкрытой угрозы. — Уважение нужно заслужить. Если старик не ведает стыда и чести, почему я должен проявлять к нему почтение?

В этих словах была своя правда, и Хэ Чжи не нашёлся, что возразить.

— И всё же... бить старика — последнее дело. Отпусти его сейчас же.

— Я и не собирался его бить, — бросил юноша и, разжав руки, отступил на пару шагов.

Ноги старого господина Ма подогнулись, он пошатнулся, и невестки поспешили его подхватить. Фан Цзычэнь лишь презрительно скривился. На самом деле он просто припугнул его — не настолько он был безумен, чтобы избивать дряхлого деда.

— Посмотри, что ты наделал! — воскликнул староста. — И как теперь это распутывать?

— Распутывать? — Фан Цзычэнь усмехнулся и холодно взглянул на Хэ Чжи. — Да тут всё проще простого. Скажи им, чтобы проваливали, и дело с концом.

В его взгляде не осталось и тени тепла — только ледяное безразличие. В этот миг его худощавая фигура казалась воплощением угрозы.

Староста посмотрел на него и почувствовал: сегодня этот юноша стал другим. Его отец, когда немного оправился, рассказал о том, что случилось на горе. Фан Цзычэнь упоминал, что привык есть мясо каждый день и без него не мыслит трапезы. В нынешние времена только очень богатые семьи могли позволить себе такую роскошь. Даже городские богачи не всегда ели мясо в каждый приём пищи.

Вспомнив, как парень не узнал простой коричневый рис и совершенно не умел заниматься хозяйством, при этом обладая статью образованного человека, Хэ Чжи окончательно убедился: перед ним наследник знатного рода, по воле судьбы оказавшийся в глуши. Понятно тогда, откуда такая гордость и крутой нрав. Учитывая повадки семьи Ма, можно сказать, что Цзычэнь ещё проявил милосердие, не лишив их жизни на месте.

Вздохнув, староста повернулся к сгрудившейся семье Ма:

— Ну, слышали? Уйдёте сами или продолжите этот цирк?

Вопрос был излишним — главная сила семьи была повержена. Им оставалось только отступить. Против такого противника, как Фан Цзычэнь, у них не было шансов.

Старшая госпожа Ма указала дрожащим пальцем на Чжао-гэра и робко спросила:

— Мы-то уйдём... А как же эта дря... то есть, Чжао-гэр? Что нам с ним делать? Нашей семье такой распутный фулан больше не нужен!

<http://bllate.org/book/15357/1412590>